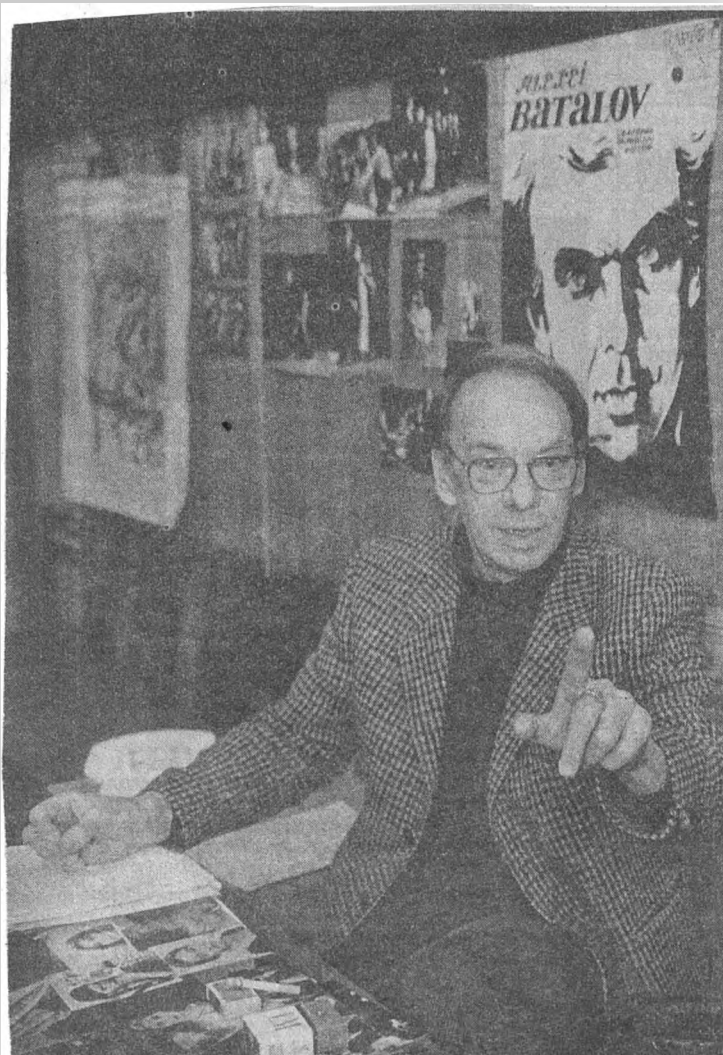

Гость "ВК"

Он сыграл героев разных поколений — довоенных и военных лет, трудных дней после Победы, 1950 — 1970-х годов, и классических персонажей, и сказочных. Кто-то сочтет "не модным", а я все же перечислю его титулы, полностью заслуженные поразительно талантливой и всегда правдивой работой: народный артист СССР, народный артист России, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственных и других весьма престижных премий, кавалер высоких орденов. По справедливости он — национальное достояние страны. Подлинный мыслитель; не только актер, но и режиссер, сценарист, писатель, живописец, педагог... Сегодня Алексей Баталов — гость "Вечернего клуба".

Алексей БАТАЛОВ:

"В кино я попал, потому что оказался похож на Лукьянова и Андреева"

— Алексей Владимирович, каким обстоятельствам жизни вы обязаны тому, что стали актером? Об этом писано много раз, но для нынешней молодежи хотелось бы повторить.

— У меня родственники все до одного — актеры Московского Художественного театра. Родители — Владимир Баталов и Нина Ольшевская, дядя — Николай Баталов, тетя — Ольга Андровская. Так что мне просто некуда было деваться.

— Известно, что друзьями вашей семьи были многие большие писатели — Юрий Олеся, Борис Пастернак, Анна Ахматова, Михаил Светлов, Михаил Зощенко, Евгений Петров, Илья Ильф, Матэ Залка... Отразилось ли это на ваших писательских исканиях?

— Несомненно. Меня некогда забрал к себе на воспитание Виктор Ефимович Ардов, в его доме передо мной прошло множество замечательнейших людей. Писал я в сущности всю жизнь, начиная с армии, работал в журналистике. Все это было обобщено в книгах: "Диалоги в антракте" — беседы с кинокритиком Марианной Кваснецкой, "Судьба и ремесло", составленной из портретов и судеб людей, встретившихся на моем пути. Жалко, что книги вышли до перестройки, и я не мог написать то, что мог бы написать теперь. А редактировать, переиздавать нет возможности. Хорошо быть графом Толстым, вот тогда можно писать книги.

— Писать вы начали под руководством Виктора Ардова?

— Вообще нет. Тогда я, наоборот, учился рисовать. Поскольку все вокруг были актерами, я понимал, что так или иначе все равно придется работать в театре, а там всегда нужны декорации и костюмы. И если бы из меня не получился актер, я бы работал в театре по художественной части.

— Начали вы с театра, но почему-то ушли в кинематограф.

— Это чистая случайность, дар судьбы, во многом преподнесенный режиссером Иосифом Хейфицем. Он начал снимать фильм "Большая семья" по роману "Журбины". Старшего Журбина, деда Матвея, играл Лукьянов, его сына — Борис Андреев, а на роль внука требовался человек, хотя бы мало-мальски похожий на деда и отца. Хейфиц решил, что по этому параметру я подхожу, а все остальное приложилось уже в ходе съемок. Вообще актер — профессия зависимая (банальнейшая фраза!), куда позвали, туда идешь, там и играешь. А пробыть во МХАТе молодому было очень непросто: ну зачем назначать на роль его, когда есть Качалов? И в какой-то момент я понял: то, что я делаю в кинематографе, гораздо значительней.

— Вы закончили Школу-студию МХАТ. Кто были ваши учителя?

— Многие мхатовцы приходили к нам, занимались, делились опытом; педагоги были высшего класса. Мой курс вели Станицын, Блинные, мой диплом подписан женой Антона Павловича Чехова!

— Зрители подчас наивно отождествляют актеров с их персонажами. В какой степени это справедливо?

— Безусловно, важны собственные представления о характере, который предстоит воплотить. Надо "влезать в шкуру" героя, а там уж как получится. Все приходится выцарапывать из себя, потому что чужим голосом и нервами актеру играть не дано. Но, оказавшись внутри образа, вы вступаєте в иной мир, и не может такого быть, чтобы ваша душа осталась глуха к терзаниям и радостям персонажа.

— О многих ваших героях можно сказать: "чеховские персонажи", независимо от того, идет ли речь об экранизации Чехова или нет. Их отличает мягкость, искренность, вера в справедливость. И все-таки, возможно, есть образ, который вам ближе других?

— Трудно сказать. Например, мальчишкоша из "Летят журавли" присутствует на экране всего 18 — 20 минут. Но поскольку он для меня реальный, я видел таких и сам родом из войны, — он мне бесконечно дорог. Вообще я всегда на стороне своих героев. Стараюсь понять, что это за человек и почему он так поступил.

— Не хотелось ли вам сыграть, скажем, в фарсе, в эксцентрической комедии, сменить амплуа?

— Очень хотелось. Я и выпускался как актер характерный. Но на большую роль как наприсихся? Все строится на взаимопонимании или непонимании, взаимопомощи, наконец симпатии?

— Мы, зрительницы, знаем, что герои Баталова — люди, умеющие любить, ценить и понимать женщин. Алексей Владимирович, расскажите, пожалуйста, о вашей первой любви.

— Мне было тринадцать с половиной лет, когда началась война. У мамы, кроме меня, были еще дети — четырехлетний и грудной. Нас эвакуировали, мы все время переезжали туда, где было дешевле и поэтому легче выжить, жили в Чистополе, Казани, Свердловске. Доехали до Бугульмы, там я начал работать в театре, рабочим постановочной части, таскал декорации, стал получать вместо иждивенческой карточки служащего (по тем временам это имело огромное значение). И влюблялся в артисток, совершенно по-детски. Окончилась война, мы вернулись в Москву, я пошел семнадцатилетним в 7-й класс. И мои влюбленности стали более абстрактными: кинематографические обожания героинь знаменитых фильмов тех времен, например, "Моя прекрасная леди".

— Ваш идеал женской красоты?

— "Рождение Венеры" Боттичелли.

— А по внутреннему содержанию?

— Думаю, Татьяна Ларина...

ба: роли в фильмах совершенно разных направлений. Критики нам популярно объясняли, какая разница. "Девять дней одного года" Ромма назывались интеллектуальным кино, "Летят журавли" — экспрессивным, "Дама с собачкой" — классическим, восходящим к итальянскому неореализму... А я все тот же, и моя школа везде подходила, почему же не подойдет нынешним молодым? Но они могут научиться от меня только тому, чему захотят. Не хочу им ничего навязывать.

— Разделяете ли вы точку зрения, что зарубежный кинематограф и театр показывают нам "что", а наш — "как"? У них — представление, у нас — игра?

— Знаю по собственному опыту, по хорошему кинематографу и хорошему режиссеру: на земле создается некое единое "кино-театральное измерение", очень многое взявшее из русской школы игры. И сегодня в Америке есть немало театров, которые более мхатовские, более русские, чем наши московские. Все перепуталось, мы влияем друг на друга, хотим мы того или нет; и деление, о котором теоретики так умно рассказывали, стирается. Конечно, великие английские комики отличаются, скажем, от французских, но это на уровне недостаточного высокого. Сейчас для блестящей картины собирают команду со всего света, люди сходятся и играют внутренне в одной тональности. Вот у нас сейчас учится группа англичан, они выпустили "Преступление и наказание", готовят Чехова на русском, хотя освоить нашу школу игры, ради этого идут на немалые жертвы, живут в студенческом общежитии...

— Что для вас главное в актере?

— Чтобы ответить на этот вопрос, надо сперва ответить на другой: что такое актер? Человек, который способен говорить и жить чужой жизнью, произносит чужие слова, как свои. Умение переселиться в чужое "я" и есть актерство. Он должен уметь заставить вас поверить, что перед вами Гамлет или король Лир, а не ряженный шутник. Это и есть главное.

— Что, по-вашему, сложнее: насмешить зрителя или заставить его плакать?

— Это одинаково сложно, две стороны одной медали. Помните Фаину Григорьевну Раневскую в последнем спектакле "Дальше тишина"? Там зрители плакали, а через минуту смеялись.

— Вы умеете быть самокритичным?

— Могу назвать любую роль и сказать, что мне в ней не удалось. Помню, Москвин, великий артист, мокрый стоял за кулисами перед премьерой, а мы, молодые, глядя на него, думали: и что он волнуется, ведь все знает, все умеет. Он это заметил и говорит: "В том-то и ужас, что чем дальше, тем страшнее. Я знаю точно, как хотелось бы сыграть, но совершенно не уверен, что получится так, как я хочу". Легче всего играть в самодеятельности, там всегда рай и радость, а чем профессиональнее, тем тяжелее. Но особенно тяжело актеру в наши дни. Смена декораций в жизни происходит в сто раз быстрее, чем раньше. А дело актера должно в главном совпадать с жизнью. Обязательный закон. Баха и через сто лет сыграют как Баха; роман или повесть можно сунуть в стол, и после смерти Кафку напечатать как Кафку. А актер может существовать только сегодня, сию минуту.

— Алексей Владимирович, как вы думаете: человек приходит в жизнь, живет, радуется, огорчается, жизнь его в принципе изменяет или сущность остается прежней?

— Главное, чтобы она вообще была, сущность. Жизнь ведь можно прожить просто, как животное: жить да жить, ни о чем не задумываясь. Но то, что заложено в нас, изменить не может ничто.

— Выходит, у каждого есть что-то, предопределенное свыше, что он должен пронести через всю жизнь?

— Думаю, что у великих людей есть. Бетховен это понимал, Пушкин об этом писал. Есть гениальные люди, которые ощущают свое предназначение, зато и слишком многих радостей жизни они лишаются. Да, существует этот голос, этот зов, это свидание с тем, чего у других не бывает.

— На себе ощущаете этот груз?

— Я нормальный обычный земной человек.

— А вы лично изменились с тех пор, как впервые вышли на сцену?

— На меня действует все. Например, весна. Но внутри по сути своей человек остается таким же. В этом году исполняется 50 лет со дня моего дебюта, и все эти годы я двигался в одном направлении.

Гостя принимала
Марианна ПЕНЬКОВА.
Фото Виктора СМОЛЯНИНОВА.